По зову священника, я ступил на поперечный неф церкви. Следуя ритуалу, освященному веками, я принял кварцевый кристалл, преклонил колени и закрыл глаза. Голос святого мужа вновь наполнил своды храма псалмом.

— О Иона, Дева Верховная, Щит Человеческий с Высот Небесных. Смиренно умоляем Тебя, Божественнейшая, даруй нам силу остановить волны нечестивых и утешить чад людских, терзаемых бурями.

И…

Гробовая тишина.

Пустота, словно выпавшая из времени.

Застывший воздух, едва различимое дыхание.

Но ни в моём сердце, ни в холодном кварце не дрогнула ни единая искра.

— …О Иона, Дева Верховная, Щит Человеческий с высот Эмпирея. Здесь мы умоляем Тебя, Божественнейшая, о Твоей Милости, чтобы мы могли остановить потоки Злобных, и успокоить сынов и дочерей Человеческих, пущенных по воле волн, — снова зачастил священник, меняя слова молитвы. Но хоть он и старался, кристалл оставался безмолвным.

— Преподобный… — шепнул рыцарь, — …что за чертовщина…?

— Я… не понимаю. Этого не может быть, — пробормотал священник. — …О-о Иона, Дева Высшая, Защитница людей с небосвода! Молим Тебя, Всемилостивейшая, даруй нам силу остановить натиск зла! Принеси мир душам людским, терзаемым тревогами!

Третья попытка. И снова тишина.

— …Подобное… подобное безумие…! — воскликнул со срывом в голосе Преподобный. — Юноша, теперь я познал, что значит страх. Я боюсь, что Иона, Дева Верховная, не наделила тебя своим даром Одила.

Рыцари, ставшие свидетелями этого отчаяния, ощутили совсем иную угрозу, словно сам воздух вокруг них задрожал.

— Скажите, пастор, а бывало ли на памяти человеческой, чтобы отыскать пустоту, где ждал изобилия?

— Боюсь, в летописях наших такого не сыскать. Дары Богини, как луна, меняют лик, но их сущность — свет, всегда льющийся на мир.

— Но как же это объяснить, Преподобный?

Пастор лишь покачал головой.

— У меня… нет ни единой мысли. Слабый свет — это ещё ладно, но… но нет, не судьба. Пути Ионы неисповедимы. И потому я могу лишь… предполагать… — священник сосредоточился, словно перед тайной Вселенной, —…что эта сбившаяся с пути душа отрезана от Её благодати.

Размышлять над этим я не дерзнул.

Не поддался я мрачным мыслям. Встал, взял себя в руки и шагнул прочь. И тут увидел Эмили и Фелицию, будто громом поражённых, застывших с раскрытыми ртами.

…Рольф Бакманн…

Мои мысли растворились в невзрачном пейзаже за окном.

…тот, кто отвергнут Богиней…

Над просторами неба разливался блёклый сумеречный свет, ещё более угрюмый и безрадостный, чем в прошлые дни. Сердце сдавило невыносимой тяжестью, словно само жилище пропиталось скорбью.

Возвращение после церемонии давило такой же тягостью, как и сама церемония. Молчание, словно саван, окутало Эмили, Фелицию и меня.

Привыкший к молчанию, я и сегодня не ждал разговоров. Но их безмолвие было другим — тяжёлым, давящим на грудь. Я видел, как они бросают на меня взгляды, в которых смешались скорбь и растерянность. Казалось, они не знают, как нарушить тишину, и сами страдают, не решаясь ни заговорить, ни сделать какой-нибудь жест.

Конечно, их вины тут не было. Как сам Преподобный сказал, подобная беда не случалась ни с одним из жителей Лондозии за всю историю королевства. Лишиться Одила — это действительно нечто из ряда вон выходящее. Такое клеймо делает человека почти беспомощным в бою, а для нас, людей, вечно сражающихся с нафилимами, это самый настоящий позор.

Хотя они и враги нам с незапамятных времён, но во многом схожи с нами, людьми. У них есть своя культура, схожая внешность, даже язык. Единственное, что сразу бросается в глаза — это их смуглая кожа.

Но главное, что отделяет нас не внешность, а то, что скрыто внутри: природная мощь, что течёт в их жилах. Нам, сынам людским, приходится обретать Одил через святой ритуал, нафилимцам же эта драгоценная сила дана от рождения. И с её помощью они, как и многие их сородичи, орудуют пугающей магией, что по праву делает их грозными врагами.

Огонь против огня — такой путь избрали люди. Мы тоже научились обращать Одил против нафилимов. Магическая защита — лучший щит против магического урона. И наоборот, только магическое копьё может пробить такую защиту. Без этой сверхъестественной помощи люди — словно овцы на бойне.

Рыцарские ордена — воплощение этого принципа, они обучают своих воинов всяческим премудростям магического боя. Рыцари — защитники людей от нафилимов. Без благословенного дара человек не может сражаться с нафилимами, а значит, он не может быть рыцарем. Конечно, раньше и представить было нельзя человека без дара Богини, но я не сомневался, что такому немощному воину не найти пристанища, куда бы он ни направился, а уж тем более в священных залах рыцарских обителей.

Звон лат и взмах рыцарского меча — вот музыка, к которой всегда тяготилась моя душа.

Судьба отвернулась, не наградив меня священным благословением. Я лишён Одила, дара,

который делает рыцаря рыцарем. Поэтому меня называют «отверженным».

Разве оставалось что-то, в чём я мог найти себя?

— Терзать себя унылыми мыслями — пустое дело, — снова с досадой пробормотал я.

Что ж. Значит, в Орден. По старому плану.

Рыцарство — недостижимая звезда, но надежды — неугасимые лампады. Пока воля не сломлена, пока мечта жива, я брошу вызов судьбе. В конце концов, и без магической силы есть способы показать свою доблесть в бою, к примеру, истребляя мерзких бегемотов.

Орден — далеко не единственное место в этих землях, где мерят людей одним талантом к магии. Так что и поместье Бакманн вряд ли станет пристанищем для такого ничтожества, как я, без капли магии в крови. А при теперешнем раскладе о наследстве и речи быть не может.

В тени родового поместья…

…или в тени рыцарского креста.

Мое будущее — узкая тропа, посыпанная виной и порицанием.

— …Боюсь, эти мелочи — меньшее из моих тревог…

Лишение благословения — не меньше, чем проклятие богов. Сын, отверженный Ионой, для которого уготованы лишь презрение, насмешки и гонения. Как же горька эта чаша, приподнесённая судьбой…

Но…

— Клинок по-прежнему в моих руках.

Сталь меча ловила лучи заката, а мои руки сжимали его как единственного друга в тяготах тренировок. Испытанный в боях, он пронёс сквозь годы шрамы схваток — в каждом сколе и царапине карта пройденных испытаний. Но тщательный уход берёг его смертоносную красоту.

Да! Меч — вот моя опора. Им я владею, даже лишённый благодати Богини. В Ордене я отточу своё мастерство; стану грозой бегемотов, стану щитом людей, и тогда… может, тогда прозвенит мой час стать рыцарем!

Сердце — мой судья, клятва — мой приговор, и я пойду наперекор судьбе!

□

Спустившееся за горизонт солнце возвестило о вечерней трапезе.

Обычно меня неизменно приглашали к столу, но на этот раз ни единой привычной фигуры слуги не мелькнуло у дверей. Охваченный дурным предчувствием, я поспешил в столовую, где застал родителей и Фелицию погружёнными в молчаливую трапезу.

Ни отец, ни мать не удостоили меня даже взглядом. Сестра, словно птица в клетке, подняла на меня глаза, но тотчас же их опустила, будто стыдясь своего мимолетного внимания. И тут я заметил, что мой стул вообще отсутствует в комнате.

За моей спиной послышалось шуршание, и один из слуг сказал:

— Прошу сюда.

Послушно я двинулся за ним на кухню. Остальные слуги, не говоря уже о поварах, отсутствовали; на этой кухне за ночь больше ничего не приготовят. Но посреди столешницы, словно подготовленные наспех, лежали жалкие остатки: чёрствая буханка чёрного хлеба и миска супа, сваренного из овощных отбросов. На них слуга указал пальцем, а затем молча удалился.

Возле столешницы примостился деревянный сундук — видимо, мой новый «трон».

— Хм, полный стол яств. Неплохо придумано! — прозвучала моя ироничная реплика. — Больше, чем я смел надеяться, если не лукавить.

Усевшись на ящик, я схватил заскорузлый чёрный хлеб и отломил кусочек. Он отправился в суп, прежде чем я решился попробовать. Не так уж и ужасно. Кто бы мог подумать, что старая корка и водянистая похлёбка могут показаться голодному едоку райским угощением?

Мой желудок сжался, и я застыл, уставившись в миску. Похоже, подобные «трапезы» станут теперь моим ежедневным ритуалом.

Что и говорить про Орден! Скорее уж каким-то чудом магический дар обрету, которого лишён, чем стану у них желаннее дохлой дворняги.

Совершенно верно. Даже у дворняги есть своё место, в отличие от человека, нелюбимого Богиней. Вторгшегося на её священную землю. Чужака, разлагающего её плоть земную. Скрипучего шарнира в её безупречной материи бытия. Никчемного создания, достойного лишь презрения — таким был я, Рольф, не отмеченный благодатью.

Решив смириться с подобным обращением, я настроился не привередничать и в еде. Я буду есть всё, что мне дадут, каким бы плохим ни было меню. Я ведь ещё расту, и лишать себя пищи сейчас значит сделать свой организм хилым и неспособным выдержать будущие испытания.

Я взял ещё один ломоть хлеба и отправил его себе в рот.

□

Ужин был окончен.

В слабо освещённой лампой кухне я остался сидеть на ящике, скрестив руки на груди. Мой взгляд медленно поднялся к потолку. Мои мысли обратились к моей семье, разорванной на части сегодняшними событиями.

Холодный приём я ожидал, но вот эта странная отстраненность родителей, лишенная хоть капли гнева или обиды, заставляла кровь стыть в жилах.

Теперь, поразмыслив, я понимаю, что теплота наших семейных уз, даже в самых ранних воспоминаниях, никогда не была по-настоящему согревающей. Для них я — лишь отпрыск, несущий некий потенциал. Изящный винтик в механизме семьи Бакманн.

Но никогда — сын.

Тяжёлое облако осознания накрыло меня не вчера-позавчера, а ещё в ранние годы, медленно и

неумолимо оседая в душе.

Конечно, нет вины на тех родителях, кто хоть иногда задумывается о будущем своего чада. Но вот мои родители… им на глаза будто одели очки «корысти», сквозь мутные стёкла которых они видели меня исключительно как средство реализации своих амбиций.

Им нужен не «Рольф», а способный наследник Дома Бакманн. Безжалостная реальность, вонзившаяся мне прямо в сердце.

— Нет… Может, я просто накручиваю себя.

Может, эта история просто выжала из меня все соки, и мои мысли, отравленные страхом, самобичеванием и апатией, текут только в мрачное русло.

Но одно нельзя отрицать — моё положение отчаянное.

Наше окружение — истинный скульптор нашего характера: оно высекает его с невероятной точностью и неумолимостью. Под гнётом несправедливости человеческая сущность чахнет, превращаясь в тень того, кем она могла бы стать. Клетка, чьи прутья теперь окружают меня со всех сторон.

Законы Лондозии признают пятнадцатилетие наступлением совершеннолетия, и в этом же возрасте можно вступить в Орден. Однако, никто не поспорит, что в таком юном возрасте дух ещё не окреп. В этом возрасте рассудок крепчает, но сила духа — плод долгого взращивания. Этому, собственно, и служит Орден.

Нет сомнений, жить в тени абсолютного непринятия со стороны близких людей — словно дышать ядовитым туманом: отравление неизбежно, вопрос лишь в скорости.

С каждой новой раной душа обрастает непроницаемой бронёй, заковывая человека в страх быть поражённым вновь. Слова — шипы, взгляды — лезвия, а общество — арена, где раненый прячется в тёмном углу.

Сколько раз на лицах других я видел отпечаток этой скорби, и теперь, жестокой рукой, судьба ставит меня в их несчастный ряд, в ту же бездну, что поглотила их.

Судьба толкает меня в то же болото, но я не увязну в нём.

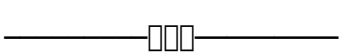
Чтобы выстоять под ураганными ветрами, я должен во что бы то ни стало сохранить внутренний остов.

— Дисциплина — кузница характера, разве не так?

Тонкая усмешка скользнула по моим губам. Вот тогда я осознал, как пятнадцатилетние горазды прикидываться философами.

С досадой мотнув головой, я поднялся, чтобы вернуться в свою комнату, но увидел в дверном проёме кухни силуэт.

— Дорогой брат… — тихим, дрожащим голосом начала она.



http://tl.rulate.ru/book/77052/3567822